

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. С. КРЖЕВОВ

В последние годы публичная дискуссия по проблемам взаимоотношений общества, государства и церкви заметно активизировалась. И хотя в подавляющем числе случаев эти непростые темы обсуждаются в связи с местом и ролью Русской Православной Церкви в современной России, представляется правильным связать их рассмотрение с более широким кругом проблем. Дело в том, что как раз представителям названной церкви свойственно прибегать в ходе дискуссии к невинным на вид подменам, подставляя вместо общих определений религии и церкви наименования только одной из существующих в России конфессий и только одной из церквей. Подмены эти, конечно, далеко не случайны, что обнаруживается всякий раз, когда обсуждение напрямую затрагивает вопрос об окончательной легализации привилегированного положения, фактически уже обретенного РПЦ.

Как правило, сторонники признания православия «государствобразующей религией» и придания РПЦ отвечающего подобным притязаниям юридического статуса, указывают на совершенно особую роль этой церкви в русской истории¹. В этом контексте все более настойчиво звучат голоса тех, кто призывает к «преодолению наследия эпохи государственного атеизма и возвращению русского народа к своим духовным корням». Во имя этой высокой цели считают необходимым всеми путями и средствами обеспечить скорейшее приобщение населения России к православию, а заодно и вернуть РПЦ то положение, которым она обладала до революции октября 1917 г., т.е. фактически вернуть ей ранг государственной церкви. Вместе с тем знаменательно, что на уровне общих деклараций как служители церкви, так и светские приверженцы подобной реформы в большинстве своем решительно отрицают наличие у них намерений добиваться этой последней цели. Однако анализ аргументации, а еще больше – практических дел представителей церковного «священноначалия» и поощряемой им «православной общественности», недвусмысленно свидетельствует о явно обозначенном стремлении законодательно утвердить особое положение РПЦ в нашем отечестве, признав ее средоточием некоей высшей «духовности», долженствующей стать истоком и стержнем единения всех россиян.

Одним из наиболее заметных проявлений подобного рода «национально-исторических» и «государственнических» установок является очевидно бесосновательное, но очень опасное в многонациональном и многоконфессиональном государстве безоговорочное отождествление русской этнокультурной идентичности с идентичностью религиозной, более того, с принадлежностью именно к РПЦ. Здесь в ходу уже не только ложная формула «русский – это обязательно православный», но и совсем уже нелепое «истинно русский – это прихожанин РПЦ». О том, что именно такое понимание превалирует среди значительной части служителей этой церкви и ее прихожан свидетельствуют многочисленные выступления и публикации в недавнем прошлом митрополита, а ныне Патриарха РПЦ Кирилла (Гундяева) и людей из его ближайшего окружения. Уже несколько лет они с настойчивостью, достойной лучшего применения, повторяют, что представление о России как о многоконфессиональной стране является ошибочным, поскольку-де народ ее искони был и остается «православной общиной»². Соответственно, всех прочих, кто не принадлежит к православной церкви, предлагается рассматривать как «религиозные меньшинства». К величайшему сожалению, более чем очевидное противоречие подобных утверждений неоспоримым фактам, а равно и Конституции РФ, нимало не смущает приверженцев этой взрывоопасной идеи.

В том же ряду пребывают неоднократно выражавшиеся публично настойчивые протесты иерархов и священников РПЦ по поводу деятельности в России миссионеров других христианских конфессий. Крайне нетерпимое отношение представителей РПЦ к тому, что они именуют «недозволительным прозелитизмом», свидетельствует об их неколебимой уверенности в том, что права этой церкви обладают высшим приоритетом на всей территории государства Российского. Между тем такая позиция опять-таки явно входит в противоречие со статьей 14 Конституции РФ, утверждающей, что Россия является государством светским, а «Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

Помимо того, что проявления подобных умонастроений были многократно зафиксированы на различных публичных шествиях и митингах, в том числе и откровенно шовинистического толка, их популярность в околоцерковных кругах подтверждают кулуарные высказывания и выкрики с мест на официальных мероприятиях, регулярно проводимых как самой Патриархией

РПЦ, так и ее епископатом. Все это неизбежно придает обсуждению упомянутых выше непростых вопросов совершенно излишнюю эмоциональную напряженность. Понятно, что при таких обстоятельствах готовность к спокойному и ответственному диалогу, не раз провозглашавшаяся руководством РПЦ, сходит на нет под давлением экстремистски настроенных «истинно православных», пытающихся запугать и подавить всякого, кто имеет взгляды, отличные от их собственных. Вместо аргументов они обыкновенно прибегают к проклятиям, обличая оппонентов в «сатанизме», «инородчестве», «предательстве» и угрожая им физической расправой.

В итоге практические результаты публичной дискуссии могут оказаться весьма далекими от тех, что не только желательны, а в самом прямом смысле слова остро необходимы России в ее нынешнем положении. И поскольку события самого последнего времени вновь дали разработчикам проектов «духовного возрождения России под знаком православия» новый повод для активной пропаганды своих идей, следует еще раз внимательно проанализировать те их соображения, которые повторяются с особой настойчивостью и имеют наиболее широкое хождение. Для этого придется затронуть несколько связанных между собой групп вопросов: о социальной и исторической обусловленности роли религии и церкви в становлении национальной культуры и формировании основ российской государственности; о действительном влиянии православного вероучения на формирование нравственных устоев общества и вероятных последствиях возвращения РПЦ статуса государственной церкви; о соответствии заявлений и действий ряда представителей РПЦ положениям Конституции РФ об отделении церкви от государства и школы от церкви; об общественной необходимости неукоснительного соблюдения принципа свободы совести в современной России.

Главной своей целью представители РПЦ откровенно называют «скорейшую деатеизацию общества». Этот диковатый оборот широко используется как официальными лицами церкви, так и идейно близкими ей светскими публицистами и даже некоторыми политиками. Странники этой программы уверяют, что ее осуществление позволит возвратиться к «духовным корням», якобы иссохшим за годы господства коммунистического режима, а тем самым обрести, наконец, идейное единство путем заполнения православным вероучением того «вакуума», который возник после крушения марксистско-ленинской идеологии.

(Здесь нужно сразу обратить внимание на очень важный момент. Достаточно очевидно, что пресловутое «крушение идеологии» было в решающей мере обусловлено утратой ею официального статуса. Перестав быть государственно-обязательной, эта идеология незамедлительно потеряла ореол единственно истинной. Но ведь подобный опыт в тысячный раз свидетельствует о полной безнадежности попыток повсеместно установить «правильное мировоззрение» посредством властных санкций. Идейные трансформации в общественном сознании являются в высшей степени сложным и противоречивым процессом, и попытки втиснуть его в прокрустово ложе церковно-государственных предписаний вряд ли принесут ожидаемое умиротворение.)

Согласно недавно сделанным заявлениям Патриарха РПЦ Кирилла (Гундяева), именно массовое приобщение людей, и особенно молодого поколения, к «православным христианским ценностям» должно обеспечить быстрое и неуклонное возрастание общественной нравственности. В качестве едва ли не главного аргумента в пользу такого утверждения используется позаимствованный у «благонамеренных» мыслителей 50 – 60-х годов XIX в. тезис о якобы «органической укорененности» православия в русском народном духе. Понятно, что тем самым влияние РПЦ на развитие русской культуры и формирование отвечающей отечественным традициям особой государственности также признается исключительно благотворным. Наряду с этим сильный акцент делается на призывах «противостоять разрушительной духовной экспансии Запада». Знаменательно, что противостояние это преподносится как неперемное условие возрождения «национально-культурной идентичности»³.

В этой связи заслуживает самого пристального внимания позиция, наиболее полно выраженная в словах игумена Вениамина (Новика), недвусмысленно указывающих на стремление отказаться от «привнесенных извне» принципов правового государства: «При... гармоническом подходе, когда предполагается строительство не столько “государства”, сколько “царства”, сам вопрос о каких-либо правах даже не возникал. Ведь юридически-правовые вопросы могут возникать между чужими, посторонними людьми, а не между “отцами и чадами”, “братьями и сестрами”, решившими жить не по “закону”, а по “благодати”»⁴. В этой связи нельзя не вспомнить слова Гегеля, некогда проницательно заметившего, что «ненависть к закону, праву, выраженному в законе, есть тот признак, по которому открываются и безошибочно познаются

в их подлинном выражении фанатизм, слабоумие и лицемерие добрых намерений, во что бы они ни рядились»⁵.

Другим примером программных установлений, долженствующих восстановить «духовную гармонию» и содействовать воплощению идеала «православного царства», могут служить размышления священника А. Постернака, директора Традиционной гимназии и декана исторического факультета Православного Свято-Тихоновского богословского института, опубликованные в газете «Ведомости» от 11 февраля 2004 г. Говоря о необходимости «воспитания историей», автор назидательно подчеркивает, что «отказ от религиозной проблемы как мировоззренческого основания (!?) современного общества» дезориентировал историков, вынудив их заниматься «вторичными» вопросами политики и экономики. При этом они забыли о главном — о «внутреннем мире человека». Весьма скоро выясняется, что столь суровый выговор адресован не столько историографам, сколько всему западному обществу, которое почему-то определяется как «пост-христианское». Но когда речь заходит об истории российской, А. Постернак поворачивает на 180 градусов и, буквально опровергая самого себя, заявляет: «Тысячу лет Россия формировалась как великая империя с особой идеологией», а «решающую роль в этом процессе» сыграла именно «религиозная аккультурация», посредством которой русский народ включал «в свой состав (sic!) множество других народностей».

Поскольку речь идет о «строительстве империи», да еще «тысячелетней», нельзя не признать, что, вопреки заявленному требованию сконцентрироваться на «вопросах высокой духовности», здесь на первом плане вновь оказываются все те же «вторичные вопросы» политики. Оставляя в стороне имеющую широкое хождение, но очень сомнительную с фактической точки зрения периодизацию русской истории («монгольское иго» пало только в конце XV в., а империей Россия стала лишь в начале XVIII), отметим самое важное — подобные утверждения служат несомненным свидетельством той же подмены приоритетов, за которую «православный историк» критиковал своих «неправильно» мыслящих коллег. Ведь из слов почтенного священника следует, что христианское вероучение рассматривается им уже не как основа «внутреннего мира человека», а как сердцевина имперской идеологии. Однако даже не будучи глубоким богословом, нельзя не заметить явного противоречия такой трактовки со словами Евангелия о царстве Христовом, которое «не от мира сего». Таким

образом, обращение к «религиозной проблеме» в очередной раз оборачивается пропагандой имперского величия.

Стоит подчеркнуть, что такая подмена выражает не только личные взгляды А. Постернака — есть множество свидетельств тому, что подобная позиция в высшей степени характерна для многих и многих сторонников скорейшего возобновления «симфонии церкви и государства». Ведь в том же самом, по сути, ключе выстроена и недавно принятая «Социальная доктрина» РПЦ, где недвусмысленно утверждается, что именно себя она видит если не полновластной, то, безусловно, доминирующей инстанцией, призванной указывать цели и направлять движение общества — разумеется, при активной административной и правовой поддержке государства. Главный довод — человек по сути своей существо греховное, и без церковного руководства способен лишь во зло употребить дарованные ему права и свободы. При этом, настойчиво обличая неискоренимую греховность рода человеческого, священнослужители РПЦ как-то упускают из виду, что подобные представления суть представления сугубо церковные и потому для людей нерелигиозных нравственным ориентиром ни в личной, ни тем более в общественной жизни служить никак не могут.

В этой связи весьма существенно, что пропагандисты и комментаторы намеченной РПЦ программы «духовного оздоровления» вполне определенно дают понять, что, поскольку усилия церкви направлены исключительно ко «всеобщему благу», всякое несогласие, а тем паче противодействие ей должны трактоваться как кощунственные и заведомо враждебные России деяния. Люди, осмеливающиеся усомниться в благотворности этих начинаний, аттестуются как заведомые «русофобы», лишенные «национальных корней» и патриотических устремлений и преследующие исключительно личные, корыстные цели. Их активность якобы покупается большими деньгами, регулярно получаемыми от неких «зарубежных кругов», а нередко трактуется и как служение тайным планам всегда враждебной России «мировой закулисы». Те немногие, кто уж никак не подпадает под категорию «наемных агентов чужого влияния», но все же выступает против притязаний РПЦ на исключительное положение в духовной сфере, объявляются наследниками «эпохи государственного атеизма», носителями чужеродного и противящегося «всему истинно русскому» духа. Все эти злые силы солидарно подрывают единство России и препятствуют ее дальнейшему усилению и росту международного авторитета. Словом, как уже было сказано, используется весь

традиционный набор бездоказательных (да и попросту недоказуемых) обвинений и запугиваний, направленных на дискредитацию оппонентов. Говорить о беспристрастном анализе аргументов обеих сторон в этом случае, конечно же, не приходится.

Однако при непредвзятом подходе легко показать, что заявления о нарастающей «бездуховности» и «упадке морали» как следствиях атеистического мировоззрения, равно как и притязания церкви на роль добросовестного арбитра в вопросах культуры и нравственности сплошь построены на передержках и искажениях и почти всегда выдают желаемое за действительное. Для этого нужно только принять во внимание множество фактов, позволяющих увидеть, что умилительные заверения о совершенно исключительном «духоподъемном» влиянии православной церкви в истории России катастрофически расходятся с историческими реалиями. С этих позиций невозможно отрицать, что православное вероучение в интерпретации РПЦ на протяжении веков служило легитимации общественного и политического строя, сутью и стержнем которого было всевластное самодержавие. Чрезвычайно выразительную характеристику важнейшей особенности этой ипостаси «православного самосознания» можно найти уже в «Утвержденной грамоте» об избрании первого на Руси Патриарха: «...твое же, о благочестивый царь, великое российское царствие – Третий Рим – благочестием всех превзыде... и ты един под небесем, христианский царь, именуешишь в всей Вселенной, во всех христианах...»⁶.

Так что пресловутая «симфония церкви и государства» в истории России и вправду имела место, но это не дает ни малейших оснований считать столь же гармоничными отношения между «православной властью» и народом. Поскольку долгие века население России в большинстве своем состояло из крестьян, пребывавших в крепостной зависимости, рассуждения о неустанных попечениях и заботе «отеческой власти» о «чадах-подданных» могут восприниматься только как самодовлеющая идеологема, очень далеко отлетевшая от действительности. Чтобы принять на веру подобные утверждения, нужно устранить из поля зрения факты чудовищной эксплуатации, угнетения, жестокого и бесчеловечного обращения с людьми, в сущности пребывавшими в рабстве и потому лишенными самых элементарных прав. При этом в значительной части российских областей, как господа, так и их крепостные исповедовали православие, посещали одни и те же церкви, участвовали в общих богослужениях. Вместе с

тем, массовый, по сути, характер имели случаи физических истязаний православных крепостных по приказам православных же помещиков или служилых чинов. Немало было и других издевательств, не говоря уже о купле-продаже людей, порой сопровождавшейся разрушением семей и разрывом человеческих связей. Одним из нередких проявлений «отеческой власти» помещиков-*душевладельцев* (!) была ссылка провинившихся крепостных в Сибирь на каторгу. Что до гармонии в отношениях «опекаемых чад» и «православной власти», то ее достаточно ярко иллюстрирует душераздирающая сцена из знаменитого рассказа Л.Н. Толстого, когда под командой православного офицера «братцы» насмерть засекли шпицрутенами солдата за ничтожную провинность. Вряд ли нужно говорить, что это произведение — не вымысел, а исполненное глубочайшего трагизма художественное отображение действительности. Бесчеловечное отношение к людям было в русской армии чем-то привычным, рутинным — таковыми в реальности были повседневные обыкновения «православного воинства».

В свете этих фактов трудно отказаться от мысли, что, освящая и поддерживая подобные порядки, РПЦ заботилась не столько о духовной опеке народа, сколько об обеспечении интересов «правлящего слоя» (частью которого были и ее собственные иерархи), и в особенности его сановно-бюрократической верхушки. Ведь помимо всего прочего и сама церковь — в полном забвении евангельских заповедей — не гнушалась владеть ни землями, ни приписанными к ним крестьянами — да в таких размерах, что на этой почве у нее возникали порой серьезные конфликты с государством, разрешавшиеся, как правило, отобранием «излишков» в государственную казну. (Факты, как говорят, упрямая вещь, и не худо бы помнить, что секуляризация церковных имуществ практиковалась отнюдь не только «безбожниками-большевиками».)

Обращение к истории русской мысли также не дает оснований для преимущественно радужных оценок, ведь при объективном и ответственном подходе нельзя умолчать о той пагубной роли, какую играла здесь церковная цензура. Достаточно вспомнить об инициированных РПЦ гонениях на Льва Толстого или Ивана Сеченова (а это примеры яркие, но далеко не единичные). Отстаивая свои интересы, церковь — вопреки очевидным изменениям в интеллектуальной сфере — всегда стремилась сохранить ее под своим полным контролем, ревниво охраняя унаследованный от Средних веков статус высшей инстанции, обладающей монополией на истину. Реакцию подавляющего большинства

образованного общества России того времени на эти притязания достаточно точно передают знаменитые строки А. Блока о «простертых над Россией совиных крылах» К.П. Победоносцева. Как известно, этот деятель, служивший духовным наставником двух последних русских императоров и обер-прокурором св. Синода, был буквально снедаем желанием остановить развитие в России либеральных реформ. Эти его устремления вполне отвечали политической линии Александра III, который в 1881 г. утвердил знаменательный документ — «Положение об охране». По выражению сенатора А.А. Лопухина, этот образец полицейско-канцелярской мысли поставил «все население России в зависимость от личного усмотрения чинов политической полиции». А сии чины не без основания видели в священниках РПЦ первейших своих осведомителей. Ведь церковное «священноначалие» издавна вменяло клиру в обязанность доносить в полицию на своих прихожан — в нарушение тайны исповеди, но в полном согласии с «высшими интересами» государства.

Все сказанное позволяет утверждать, что очень уж многие реалии жизни дореволюционного российского общества никак не вписываются в рисуемую процерковными публицистами благостную картину. Их исполненные пафоса повествования вполне согласуются с возвышенными самооценками самодержавной власти и церковной иерархии, типа тех, что цитировались выше, но вот фактам, увы, совершенно не соответствуют.

Весьма значимыми для обсуждаемой темы являются также трагические события, разразившиеся в России после октября 1917 г. Совершенный тогда под руководством большевиков военно-политический переворот, привел, как известно, к кровавой Гражданской войне, в ходе которой и войсками обеих сторон, и иррегулярными вооруженными группами всех толков было совершено великое множество грабежей, убийств и насилий. И если за «красных» сражались люди, лишенные церковной опеки, то о «белых» армиях или, скажем, об украинских националистах этого сказать никак нельзя. Воевавших в их составе людей священники «окормляли», надо думать, должным образом. Однако это ни в малой степени не предотвратило и не умалило ужасов братоубийственного конфликта. Более того, когда после победы и утверждения власти большевиков начались систематические репрессии (в том числе направленные против самой церкви), все они совершались — на первых, по крайней мере, порах — либо при прямом участии, либо при достаточно массовой поддерж-

ке людей, в большинстве своем вошедших в зрелый возраст до революции, т.е., несомненно, воцерковленных. Так о каком же влиянии церкви — благотворном и стойком — можно всерьез говорить при таких обстоятельствах? Ведь будучи вплоть до 1917 г. церковью господствующей, неразрывно связанной с государством, РПЦ имела вроде бы все возможности распространить это свое предполагаемое влияние так глубоко и далеко, чтобы ничего подобного революционной катастрофе произойти не могло. Однако произошло и это вынуждает нас искать совершившемуся иные объяснения, нежели «случайный» приход к власти группки «безбожных большевиков», столь легко совративших с пути истинного «Русь православную», «Третий Рим».

Ниже следующие соображения могут, как представляется, способствовать пониманию того, что ни глубокое проникновение религиозной обрядности и символики в культуру, ни закрепление за церковью официального положения верховной моральной инстанции сами по себе не гарантируют обществу высокого уровня нравственности. Это объясняется, прежде всего, тем, что вообще всякая религия, а равно и мораль, и право в их повседневных практических воплощениях, теснейшим образом привязаны к объективным условиям и обстоятельствам своего времени. В ту эпоху, когда человечество не обладало разветвленной системой научных знаний, религиозное миропонимание было, в сущности, единственно возможным. На протяжении долгих веков истины вероучения усваивались новыми поколениями в отсутствие сколько-нибудь весомой альтернативы, становясь смысловым основанием вошедших в рутинный обиход способов жизнедеятельности. Совершаемые церковью обряды и ритуалы, проповеди и увещания ее служителей были если не единственным, то, безусловно, преобладающим средством, позволявшим человеку вести осмысленное существование в своем жизненном мире. Это касалось как повседневной жизни, так и важнейших событий — радостных и скорбных, праздничных и несущих угрозу⁷. Понятно, что необходимым следствием такого положения вещей становилась доминирующая роль церкви в обществе. В этих условиях ее деятельность неизбежно выходила далеко за рамки выполнения чисто культовых функций. Церковь была и гражданско-правовой инстанцией, и посредником в коммуникации, хранительницей знаний и организатором образования, покровительницей искусств и ремесел — не говоря уже о немалом ее участии в делах государственного аппарата, с которым ее структуры нередко

пересекались, а порой даже сливались до неразличимости. Все это, с одной стороны, укрепляло позиции церкви, с другой — рождало противодействие и конфликты — как их неизбежно рождает стремление к неограниченной власти и всеобъемлющему контролю. Однако и направленные против властей и официальной церкви протестные движения также получали религиозную легитимацию, вдохновляясь требованиями «возврата к истинной вере» и «возвращения к нравам первых христиан».

При всем том, как было сказано, никакая культура и никакая религия не в состоянии обеспечить преобладания в массовом поведении мотивов, выходящих за пределы, заданные наличными социальными условиями. Главенствующее влияние здесь неизменно приобретают формы отношений распределения и обмена, возникающие не по одному лишь человеческому произволу, но в соответствии со сложившейся структурой общественного разделения труда. Это утверждение вполне применимо и к истории так называемой христианской цивилизации во всех ее разветвлениях. Возьмем, например, период вскоре после обретения христианством доминирующего положения — ведь в сложившейся к тому времени системе социальной стратификации утверждение новой веры в общем-то мало что изменило. Получив поддержку государства и став, таким образом, господствующей, христианская церковь быстро переняла все навыки и приемы своих недавних гонителей. Хорошо известно, что массовое обращение в христианство (в том числе и на Руси) нередко осуществлялось посредством военных акций и сопровождалось множеством пыток, казней и прочих репрессий против сопротивлявшихся «язычников». Однако и после повсеместного утверждения веры во Христа реальная жизнь осталась очень далекой от требований Евангелия, а клятвы в верности его учению не остановили ни произвола, ни несправедливости, ни порабощения одних людей другими.

В этих условиях превращение христианской церкви в облеченный властными полномочиями общественный институт обрекало подавляющее большинство ее служителей на неизбежное фарисейство и лицемерие, поскольку они оказывались вынужденными служить оправданию тех общественных порядков и той практики, которые совершенно недвусмысленно осуждались их же собственным вероучением⁸. Наиболее контрастно и выразительно это противоречие проявлялось всякий раз, когда государственная церковь получала монополию на разрешение духовных проблем. При этом весьма знаменательно сходство по-

зиций и подходов, присущих любой официальной церкви — будь то католическая, православная или какая-либо из протестантских (то же справедливо и для ислама, и для иудаизма, и вообще для любой из известных церквей, пребывающих в подобном положении). Известно множество случаев, когда церковные инстанции вполне довольствовались публичным выражением лояльности своей паствы и соблюдением внешней обрядности. Еретиками же нередко объявлялись как раз люди, пытавшиеся настаивать на буквальном следовании истинам вероучения. Вообще борьба с «ересями» — один из наиболее трагических моментов в истории мировых религий — может служить дополнительным подтверждением сказанному выше⁹. Известно ведь, что, например, в тех же христианских странах исполненные «евангельского духа» радетели «чистоты веры» отнюдь не довольствовались мягкими порицаниями или хотя бы отлучением от общины тех, кого объявляли «вероотступниками». Именно церковь во имя борьбы с инакомыслием изобрела «инквизиционный процесс», а «неправильная вера» считалась уголовным преступлением и сурово наказывалась. Не гнушались даже массовыми избиениями людей, бывших в сущности такими же христианами, вроде погромов, устроенных в XIII в. крестоносцами в «еретических» провинциях на юге Франции, или резни гугенотов во время печально известной Варфоломеевской ночи.

В эпоху Реформации и вызванных ею крупномасштабных религиозных войн в Европе одно время утвердился принцип «чья власть, того и вера», что повлекло за собой нарастающую девальвацию христианских ценностей. Поскольку конфессиональная принадлежность расценивалась прежде всего как признак политической лояльности, смена религии по указу властителя в ряде случаев была единственным средством избежать гонений. Это немало поспособствовало росту сомнений в непогрешимости церкви и непреложности вероучения. С другой стороны, кровавый опыт братоубийственных конфликтов, разъединявших граждан одной страны, города, общины, а нередко даже и членов одной семьи, настоятельно свидетельствовал в пользу отказа от губительной религиозной нетерпимости и фанатизма. Довольно быстро пришло осознание, что питательной почвой для них служит слишком плотное переплетение социальной и политической жизни с религией¹⁰.

Общий итог осмысления всех подобных событий состоит в том, что религия и ее роль в жизни людей, а в еще большей степени —

характер функционирования церкви в обществе не являются чем-то неизменным и однозначно обусловленным «духом вероучения», но, напротив, теснейшим образом связаны с исторически определенными социально-экономическими и культурными условиями. Но нельзя не видеть, что за последние полтора-два столетия эти условия претерпели качественные изменения. В связи с нарастающим развитием науки и техники, технологий, воплощаемых во все более широкомасштабной индустриализации и информатизации производства, социальные организмы становились куда более сложными и разнородными, чем в предшествующих фазах истории. Возникновение множества специализированных видов деятельности и новых профессиональных групп обусловили высокую интенсивность всевозможных транзакций, а все это, вместе взятое, привело к качественной реструктуризации сети социальных связей. Соразмерно возросли масштабы и темпы социальной мобильности. Одним из важнейших следствий этих преобразований, существенно влияющим на повседневную жизнь современного общества, оказалась невиданная ранее плотность взаимодействия и непосредственного общения носителей разных культурных и религиозных традиций.

Столь радикальные преобразования не могли не повлечь соответствующих изменений в сфере социального управления, да и в культуре общества в целом. Важнейшая роль здесь, как сказано, принадлежала возникновению и развитию системы научных знаний, распространение которых привело к тому, что все большее число людей выбирало мировоззрение, свободное от церковной опеки. Еще М. Вебер, уделявший большое внимание проблемам культурной трансформации, показал, что главной особенностью новой эпохи революция в миропонимании, суть которой заключалась в нарастающем «расколдовании мира». Церковь, со своей стороны, под давлением обстоятельств оказалась вынужденной передать государству или гражданским институтам большую часть тех своих прерогатив, что не вытекали непосредственно из нужд управления религиозного культа и вероисповедных функций. В итоге некогда принадлежавшее ей исключительное право легитимации властных полномочий государства, а равно и монополия на руководство в сфере духовной культуры и образования были необратимо утрачены. В интересующем нас плане выражением этих перемен стало утверждение в конституциях демократических государств принципа свободы совести и последовательное отделение церкви от государства. Столь же последовательно гражданско-правовой

статус индивида эмансипировался от его этнической и религиозной принадлежности, становясь совершенно независимым от этих последних. Взамен утверждалось гарантированное государством и абсолютно необходимое в условиях современного сверхсложного общества правовое равенство приверженцев вероисповеданий всех толков, а также и атеистического мировоззрения, и предоставление выбора между ними решению свободной воли человека.

В свете сказанного можно видеть, насколько поверхностны и далеки от действительности предлагаемые РПЦ оценки причин и истоков кризиса, переживаемого ныне Россией. Реалии российской жизни и в прошлом, и в настоящем, несомненно, гораздо более сложны и многогранны, чем их изображают люди, большей частью без особых изысков воспроизводящие идеологические штампы недоброй памяти «Союза русского народа». Но вместе с тем следует признать, что в качестве пропагандистских клише эти штампы воздействуют на массовую аудиторию желательным для их распространителей образом. Причин тут несколько. Одна из наиболее весомых – отсутствие равноправного доступа к СМИ для тех, кто не считает воцерковление россиян в кратчайшие сроки надежным средством «духовного возрождения России», более того, учитывая прочно сложившуюся многоконфессиональность, расценивает эти стремления как чрезвычайно опасные. Но проблема не исчерпывается только этим. К сожалению, существуют и другие причины, притом гораздо более глубинного свойства.

Дело в том, что если научное обществоведение рассматривает процесс социального изменения как в высшей степени сложный и противоречивый процесс, где сталкиваются и переплетаются весьма многообразные и разнонаправленные тенденции, то предлагаемое массовому сознанию *изображение* этого процесса почти всегда изобилует значительными искажениями и упрощениями. Однако заметить это способны только специалисты, обладающие серьезными и основательными познаниями в философии, истории, социологии и т.д., к тому же располагающие достоверной информацией о текущих событиях. А вот для так называемых простых людей, т.е. для большинства населения России, и без того обремененного весьма нелегкими повседневными тяготами и заботами, почти всегда достаточно картины, очень поверхностной и огрубленной по сравнению с действительностью.

Но еще более важно, что представление о своем обществе и его истории выстраивается в массовом сознании сообразно устоявшимся в нем самооценкам и предпочтениям. Наряду с этим

известно, что в ситуациях долговременного кризиса в обществе нарастает желание уяснить причины происходящего и найти скорейший путь к избавлению от множащихся осложнений и трудностей. В этой связи нельзя не указать на неизменно наблюдаемое при таких обстоятельствах нарастание ксенофобских настроений и установок. Следствием этого становится привычная готовность считать виновниками неблагополучия неких враждебных «чужих», «пришлых», «инородцев», чье благополучие обеспечивается исключительно за счет притеснений и бедствий «коренного населения»¹¹. Именно этими особенностями массового сознания пользуются и на них играют – столь же легко, сколь и безответственно – всякого рода недобросовестные радетели «спасения России и русских». Спекуляции на кризисном состоянии общества и порождаемой этим неуверенности в будущем, нагнетание недовольства по поводу имущественного неравенства, причинами которого называются мошенничество и воровство «чужаков», эксплуатация «образа врага» – внешней причины всех бед и несчастий, создание атмосферы эсхатологических страхов и производной отсюда «охоты на ведьм» – таковы давно и хорошо известные признаки идейного багажа известного сорта, увы, достаточно массовидно представленные в российском настоящем¹².

Поэтому вполне оправданными представляются опасения по поводу не раз уже наблюдавшегося и в русской, и в мировой истории катастрофического расхождения между заявленными благими намерениями скорейшего излечения общественных недугов и результатами попыток их осуществления. В этой связи уместно еще раз напомнить удивительно точную формулу незабвенного В.С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Сложность переживаемой ныне Россией социальной ситуации может многократно возрасти как раз в силу того, что область возможных позитивных решений лежит далеко в стороне от тех путей, которыми предлагают двигаться идеологи восстановления духовной монополии РПЦ. Споры нет – общий подъем уровня общественного самосознания, возрождение нравственности, ценностная переориентация, особенно в молодежной среде – все это необходимые составляющие преодоления кризиса. Но добиться реализации этих целей за счет реанимации, по сути, давно отживших порядков и возвращения к провальным практикам, всего лишь наскоро оснащенным православной фразеологией и символикой, скорее всего не удастся. Некоторые соображения в развитие этих тезисов будут предложены в следующей моей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует особо отметить, что бгуюющее теперь в иных текстах словосочетание «государствообразующая религия» без преувеличения можно признать революционной новацией сразу и в политологии, и в религиоведении.

² *Митрополит Кирилл*. Россия – православная, а не «многоконфессиональная» страна // Радонеж. 2002. № 8; *Чаплин Всеволод*, протоиерей. Идеал единства // Эксперт. 2004. № 31; *Сысоев Даниил*, священник. Понятие «традиционные религии» как главное препятствие делу православной миссии // Благодатный огонь. 2003. № 10.

³ Подробнее об этом см.: *Малахов В.С.* Понаехали тут... – М.: НЛЮ, 2007.

⁴ Богословское понимание прав человека // Религия и право. 1998. № 3. – С. 17.

⁵ *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. – М., 1990. – С. 282.

⁶ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. II. – М., 1819. – С. 93. Наряду с этим уместно напомнить о некоторых обстоятельствах этого «избрания», также весьма красноречивых. Вселенский Патриарх Иеремия, бывший тогда на Москве гостем царя Федора Иоанновича, санкционировав учреждение на Руси Патриаршества, вынужденно превысил свои канонические полномочия, поскольку находился под давлением прямого шантажа и угроз, исходивших от высших чинов царского двора. Подробнее об этом см.: *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. II. – М.: Наука, 1991. – С. 10 – 52; *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV – XVI вв. – М.: Наука, 1991. – С. 345 – 363.

⁷ Подобного рода характеристики общих черт культуры того времени можно встретить у многих исследователей, как церковных, так и светских (см., например: *Шмеман А.* Исторический путь православия. – М., 1993. – С. 231, 234 – 235; *Валлерстайн И.* Эволюция структур знания в миросистемной перспективе // Миросистемный анализ: Введение. – М., 2006. – С. 231).

⁸ Об этом, издавна разбедующем христианство недуге, также писали многие. Так, в уже упомянутой работе протоиерей А. Шмеман отмечает: «... конечно, размеров победы (христианства. – В.К.) не следует преувеличивать. Быть может, она даже тем и плоха, что уж слишком безобразными на фоне этой, по своему великой и красивой теории, представляются все бесчисленные отступления от нее и ее извращения в действительности» (*Шмеман А.* Исторический путь православия. – С. 265). Б. Рассел в цикле своих работ посвящает этой стойкой черте «христианской цивилизации» очень яркие строки (см.: *Рассел Б.* Почему я не христианин. – М., 1987). Наконец, о том же, в сущности, свидетельствовал и Ф.М. Достоевский в созданной его гением «Легенде о Великом инквизиторе».

⁹ Вот, например, суждение французской исследовательницы З. Ольденбург, автора монографии об альбигойских крестовых походах: «Существование ересей неотделимо от существования самой Церкви: где догма, там и ересь. Вся история христианской Церкви есть история борьбы с ересями, такой же кровавой и беспощадной, как и с нехристианскими религиями» (*Ольденбург З.* Костер Монсегюра. – СПб., 2001. – С. 30).

¹⁰ Противоречия и затруднения, проистекающие из такого положения вещей были, в частности, прекрасно охарактеризованы Б. Расселом в его «Истории западной философии» (М., 2004. – С. 746 – 747).

¹¹ См.: Гудков Л., Дубин Б. Невозможный национализм. Риторика номенклатуры и ксенофобия масс // Русский национализм в политическом пространстве. – М., 2007. – С. 276 – 310.

¹² См. там же. – С. 180 – 254, а также: *Верховский А.М.* Политическое православие. – М.: Сова-центр, 2003, а также названную выше книгу В.С. Малахова.

Аннотация

В статье рассматриваются различные аспекты взаимоотношений общества, государства и церкви в современной России. В центре внимания автора – проблема социальной и исторической обусловленности роли религии и церкви в становлении национальной культуры и формировании основ российской государственности. С этих позиций анализируется обоснованность притязаний церкви на роль высшего арбитра в вопросах культуры и нравственности, а также состоятельность представлений о «бездуховности» и «упадке морали» в обществе как наследии «эпохи атеизма».

Ключевые слова:

общество, культура, религия, атеизм, мораль, Конституция, государство, церковь, политика, идеология.

Summary

The article presents the consideration of different aspects of mutual relations between society, government and Church in modern Russia. The problem in the limelight of the author is the social and historical foundations of the role of religion and church in making national culture and forming the bases of Russian nationhood. From this attitude justification of Church's claims for the role of supreme arbiter in the matters of culture and morality and also substantiality of notions concerning «earthliness» and «decay of morality» in society as the heritage of the «epoch of atheism» are analyzed.

Keywords:

Society, Culture, moral, Constitution, Government, Church, religion, atheism, politic, ideology.